

Конец «эпохи послесловия»

БАЙДИН ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ

Доктор славянской филологии, культуролог, искусствовед (Кан, Франция)

BAIDIN VALERY V.

Doctor of Slavic Philology, Culturologist, Art Critic (Caen, France)

E-mail: valerbaidine@yandex.ru

Начало и конец культуры модерна ознаменовали два фатальных утверждения: «смерть Бога» (Фридрих Ницше, 1882) и «закат Европы» (Освальд Шпенглер, 1918). В том и другом случаях речь шла об умирании западной цивилизации. Россия считала себя ее неотъемлемой частью и предчувствовала общую участь. В 1913 году поэт Василиск Гнедов опубликовал сборник «Смерть искусству», завершившийся знаменитой «Поэмой конца» — пустой страницей с заголовком. Спустя два года Казимир Малевич провозгласил конец предшествующей живописи, затем Марсель Дюшан символически «смыл» ее в своем «Фонтане» (1917), а Джон Кейдж свел к гробовой тишине музыку в композиции «4'33"» (1952).

Постмодернизм возник в 1960—1970-х годах на отрицании основ художественного творчества. Была приговорена к небытию вся мировая классическая культура, выросшая из христианского культа слова. После отказа от главного постулата структурализма о базовом значении языка — матрицы человеческого сознания — началась упорная борьба с «вербальностью». Во имя освобождения сознания был провозглашен отказ от общепринятых смыслов, ценностей, «стереотипов» — началось разрушение архетипов культуры. Мишель Фуко обвинил языковое мышление в «тоталитаризме» и призвал к «самотрансформации» человека. Жак Деррида вступил в войну против «логоцентризма» и «репрессивности языка», доводя до абсурда любое утверждение с помощью инверсий, пародий, иронии. Жан-Франсуа Лиотар провозгласил «смерть метанарратива» (законченной смысловой конструкции). Ролан Барт выступил с утверждением о «смерти автора», якобы неспособного понять подлинный смысл своих произведений — неких самостоятельных языковых сущностей, превосходящих сознание отдельного человека. «Независимость» слова от его источника вела в тупик бессмыслицы.

Подавление «вербальности» постмодернизм вел с помощью деконструкций, которые предполагали высвобождение «скрытой сути» произведения или высказывания. Развенчание слова (и любого знака) основывалось на непризнании за ним собственного значения, которое, как утверждалось, выявляется лишь в цепи равнозначных символов, создающих лабиринт смыслов — корневую систему «ризомы» (Жак Делёз). Хтонический образ ризомы

(от *фр.* rhizome — «корневище»), отрицающий иерархию понятий, противопоставлялся ураническому образу древа познания. Язык объявлялся вредным посредником между человеком и миром. Деконструкция вытесняла научный анализ, сохранявший цельность явления (отдельного суждения, произведения, биографии автора и пр.), она отвергала и диалог, и дополнение образа словом, и его пояснение знаком или действием (жестом, поступком). Анархические «ризомные структуры» наделялись способностью к самоорганизации, что противоречило их природе: они могли создавать лишь спорадические сообщества, отрицающие и друг друга, и целое. Деррида соотносил подпольные кружки воинствующих маргиналов с бродячими племенами прошлых эпох и противопоставлял «кочевые культуры», движущиеся мимо всех понятий и правил, смыслодержущим «подавляющим культурам» (национальным, государственным, религиозным). Всё цивилизованное человечество готовили к жизни «после слова».

Философия и этика постмодернизма соответствовали психологии безудержного потребления, несколько десятилетий царившей в коллективном сознании Запада. Его устремлениям куда более соответствовала хаотическая фрактальность расплывающегося пламени, нежели растительная ризома. Творчество превращалось в агрессивное присвоение чужого — в плагиат под видом интерпретаций, пародий, рекомбинаций, «нового прочтения» и т. д. Возведенную в абсолют свободу производства и продажи «культурной продукции» упорядочивал рынок: автор заменялся бизнес-проектом, который получал его имя и должен был приносить финансовую или иную выгоду. Массовое сознание полностью управлялось — направлялось в нужную сторону. Маргиналы отсеивались. Создание поп-звезд, лауреатов премий и лидеров мировых рейтингов было неотделимо от маркетинговых практик, сливалось с коммерческой рекламой, политическими шоу, модными трендами, медийными манипуляциями «толпой». Жан Бодрийяр начиная с 1970-х годов тщетно предупреждал о самоубийственности, «апокалипсичности» общества потребления и порожденного им постмодернизма.

На идее квазисвободных ризомных образований основывалась возникшая в конце XX столетия концепция «сетевых сообществ» и «сетевой культуры» интернета. Была изначально очевидна ее управляемость администраторами глобальной Сети: техника контроля над пользователями всегда опережала их спрогнозированные потребности. Точно так же в обществе потребления рынок, управляемый элитой, неизменно определял массовый спрос на товары, услуги, развлечения и новые эстетические, философские и общественные идеи. Массовое сознание охотно подчинялось движениям за права религиозных, культурных и иных меньшинств, против «гендерной дискриминации» в политике, обществе, церковных организациях и, разумеется, в языке.

Однако возникшая еще в 1970-х годах массовая «мозаичная культура» (Абраам Моль) постепенно переместилась в интернет, где превратилась в

«точечно-тылеву культуру» миллиардов одиночек. Борьба против «репрессивных практик» прошлого (морали, религии, семьи, национальности, идеологических концепций, научных систем, эстетических стилей) была продолжена, но сосредоточилась в традиционных СМИ (и в их интернет-дубликатах), потеряла ореол безусловности. Постмодернизм вошел в виртуальную фазу, его вызов «тоталитарному» слову завершился самоотрицанием в глобальной Матрице. Мультимедийная продукция, комбинирующая образы, жесты, звуки и вербальные элементы, стала вытеснять не только книгу (текст).

«Цифровой новояз» чат-ботов, виртуальных помощников, автопереводчиков, роботоучителей, роботоврачей и др., активно вторгающийся в живой язык, рассчитан лишь на массовое вырождение, на особую человеческую породу — формируемых искусственным интеллектом «служебных людей» будущего, которые уподобятся *instrumenta vocalia* — «говорящим орудиям» древнеримских рабовладельцев.

Современная молодежная культура построена на идее предельного упрощения, восходящей к экспериментам конструктивистов 1920-х годов по созданию «советского человека». «Поколению нулевых» мобильный интернет, социальные сети, блогосфера, форумы навязывают необратимое раскультирование: массовые шоу в сопровождении «шумовой» музыки и светоцветовых атак, брейк-, техно- и стрит-данс, рэп, «психоделику» в комиксах, видео и стрит-арте, экстрим в прическах и макияже, татуаж, персинг, парады «гендерного равенства», фестивали транссексуалов, людей с имплантами и т. д.

С помощью Сети (интернет-мемов, медиавирусков, пуш-сообщений, хештегов и пр.) происходит первый этап селекции «человеческого материала» — низвержение в посткультурное существование, при котором любое «самовыражение» управляется лайками, дизлайками, блокировкой интернет-постов и видеоканалов. Более стойкие и стремящиеся к знаниям пользователи встречаются в Сети не с мировой культурой, а лишь с каталогом «культурных явлений» всех времен и народов. Периоды исторического развития, эстетические стили и ценности теряют качественные различия. Википедия и ей подобные цифровые платформы предлагают выбор, при котором любая иерархия, критерии истины и лжи, добра и зла отрицаются. Компьютерный столик оказывается сродни ресторанному, но тексты, мгновенно получаемые онлайн, избилуют ошибками и прямой ложью, аудио- и видеосюжеты подвергаются цензуре. Любая информация может быть искажена или навсегда удалена.

«Подправленная» в нужных направлениях мировая или национальная фейк-культура — лишь разновидность начавшейся войны фейк-новостей. В виртуальной «фантомосфере» возможны любые манипуляции с сознанием, подсознанием, процессом познания и самим знанием. Интернет-поисковики отвергают «некорректные» и сложные запросы. Что нужно или не нужно человеку, за него решают анонимы. Библиотека, музей, школа, университет и даже живая природа для многих навсегда отсекаются плоскостью

экрана. Для разобщенных одиночек сделать «шаг назад», преодолеть отрыв от подлинной культуры, а иногда и от окружающего мира — почти невозможно. Требуется огромные усилия единой системы воспитания, образования, психологической и духовной защиты личности. Сопротивляемость «перекровке человечества» связана с жизнестойкостью цивилизаций и безопасностью цифрового пространства национальных культур.

В последние годы наиболее развитые страны потрясает «экологическая», а по сути, смысловая революция. Ее кратким манифестом может быть признан полузабытый, парадоксальный призыв Казимира Малевича, обращенный в 1927 году к Даниилу Хармсу и поэтам-обэриутам: «Идите и останавливайте прогресс!»¹ Вряд ли художник имел в виду сохранение за своим супрематизмом вершины в развитии цивилизации. Скорее, в этом высказывании проглядывало мировоззрение всего позднего русского авангарда: дальнейшее развитие цивилизации машин становится разрушением культуры, «распыление» мира должно смениться его очеловечиванием. Малевич в начале 1930-х годов пришел к «сакральному реализму», хотя на его портретах «люди будущего» в соответствии с оккультной утопией *будетлян* все еще представляли в виде теургов-повелителей. Культура эпохи уже преодолела соблазн авангардистского всеразрушения и начала возврат к неоклассике. Он произошел в поэзии Александра Введенского и Николая Заболоцкого, отразился в архаизирующем монументализме Александра Дейнеки и Александра Самохвалова, в поставангардной архитектуре (Иван Фомин, Илья Голосов, Николай Ладовский), музыке (Сергей Прокофьев, Дмитрий Шостакович, Гавриил Попов) и кинематографе (Сергей Эйзенштейн, Дзига Вертов)².

Наиболее радикальная критика авангарда всегда шла изнутри, свидетельствовала о его свободе и существовала до тех пор, пока не сменилась творчеством по соцзаказу, а в постсоветское время — диктатурой артбизнеса. Под влиянием рынка сначала на Западе, а затем в России развитие поставангардных движений в культуре заменилось пустыми самоповторами — многократной продажей «товара», на который удавалось продлить спрос. Постмодернистские «открытия» могли захватить, как болезнь, но не могли нравиться, мозговая игра задевала подсознание, но отвергалась сердцем. Новая мода вспыхивала на время, превращалась в «элитную», вытеснялась из мировых столиц на периферию, уходила с аукционов в музейно-складское полубытие и в псевдоисторию. Нынешние жалкие останки актуального искусства либо разойдутся по коллекциям богатых «чудаков», либо будут попросту по-

¹ Дарственная надпись Казимира Малевича от 16 февраля 1927 года на титульной странице книги «Бог не скинут» (1922).

² О поставангардном движении в русской художественной культуре см.: *Baïdine V. L'archaïsme dans l'avant-garde russe. 1905–1945. Lyon: Université Lyon 3, 2006. P. 411–596; Baïdine V. B. Под бесконечным небом. Образы мироздания в русском искусстве. М.: Искусство XXI век, 2018. С. 251–283.*

глощены бездной интернета. Будущее требует отказа от воинствующей антиэкологичности *contemporary art*, от авангардистской парадигмы «созидания через разрушение», бриколажа, треша, эстетизированных трансгрессий и перверсий. Искусство жаждет возврата к полнокровной «прекрасной вещественности», к ауре подлинности, к врачеванию больного мира.

В начавшемся цифровом всемирном потоке стремительно тонет окружающая жизнь: параллельная реальность грозит превратиться в основную. Началось всеобщее погружение в виртуальность: работа и учеба, лечение и богослужение, услуги и покупки, компьютерные игры, реалити-шоу, лавина информации, не дающей знания, «пылевая культура», цифровые двойники людей, фейковые события и документы, «текущие» образы, смыслы и ценности, потоки постмузыки, постискусства, постлитературы... И в довершение — сводящее с ума одиночество человека, намертво подключенного к Сети. Его окружает психоделическое марево, галлюцинаторные миражи, личность тонет в Больших данных, бытие становится мерцающе-призрачным, точечным — «цисфинитным» (Даниил Хармс). В интернет-форматах речь теряет убедительность и энергию, а при мобильной связи заменяется предельно простыми эсэмэсками. Анонимность «удаленного общения» мешает подлинной встрече, узнаванию и взаимному доверию людей. Тысячелетний опыт требует их совместного пребывания в действительности — полноты жизни.

Воображаемая «глобальная Матрица» является законченным символом энтропии и не способна к саморазвитию без вмешательства разума. Эта миражная реальность, агрессивно теснящая человеческую ноосферу, бесплодна, а при попытке реализации обречена на схлопывание в хаосе. Если мир не самоуничтожится в войне всех против всех, неминуемые бедствия и катастрофы проломают все виртуальные стены. Вслед за коммунистическим мифом рушится утопия «государства всеобщего благоденствия» (*Welfare state, Etat-providence*), возникшая в послевоенной Европе.

Вместе с немыслимой «пандемией» началась агония обществ сверхпотребления. Будущее не предопределено. Никому не ведомо, сколько лет или десятилетий цивилизация исчезающего благосостояния будет биться в смиренных рубашках новых эпидемий, задыхаться от страха, страдать от болезней, грабежей и массовых безумий, умирать от жажды и голода. Ее наследникам предстоит сделать жесточайший выбор: воля к власти, порожденная цивилизацией Запада, вынуждена будет уступить воле к жизни тех народов, которые способны остановить разрушение. Человечество либо низвергнется в цивилизацию нищеты, которой мировая «элита» попытается управлять с помощью всеобщего цифрового контроля, генетического террора, наркотиков вместо культуры, эвтаназии вместо медицины и прочих средств, предсказанных Олдосом Хаксли, либо укротит в себе «зверя потребления», начнет врачевание гнущейся природы и восстановление земных ресурсов. Первым шагом к выживанию должно явиться «раскаяние и

самоограничение», к которым еще в 1973 году призвал Александр Солженицын.

На руинах гибнущего мира неизменно возникала культура надежды. Внутри нее крепились новые силы, восстанавливались забытые смыслы. Христианство похоронило пресыщенно-порочную античность с ее предсмертным вздохом — *taedium vitae* («усталость от жизни»). Варвары, разрушившие Рим, приняли новую религию от бывших рабов империи. Посреди тлеющей культуры они уловили дыхание жизни, их повело за собой не потребительство, а «единое на потребу» — божественное Слово.

В современной, полувиртуальной культуре наступает конец «эпохи послесловия». В странах Запада она длилась около полувека, в России — пару десятилетий и захватила лишь агрессивных маргиналов, ненадолго наполнивших столичное художественное подполье. Культурное иго соцреализма сменилось потоками «гиперсоветской», глумливо-безбожной бессмыслицы. Уродцы-двойники, соцреализм и соцарт, схлестнулись в объятиях. Кто-то из последователей западного концептуализма, сменившего отвлеченное форматворчество, хихикая, замуравывал себя в руинах «совка», кто-то укрывался в червоточинах мозга, перемалывая слова в буквы, кто-то стоически изнемогал в отходах общечеловеческой коммуналки... Самым искренним оказался, пожалуй, Иван Жданов — «вестник без вести, пропавший в печали».

Смысл и бессмыслица построены из одного словесного вещества. Игра в «невозможность быть» (самим собой, поэтом, художником, земным жителем и пр.), в «невозможность понять» (или поверить), многословные попытки «выкорчевать язык» или запугать всех «безвыходной свободой без конца» наскучили самим концептуалистам. Подобно мимолетной литературной гримасе, они исчезли в прошлом, показав всем «голый шиш». Память им не вечна! Приговор Пригову и постмодернизму был вынесен в тот день, когда жизнь оказалась войной. Смех превратился в страх. Сквозь забавную дурь и заумные приколы глянула смерть. Безудержная игра замерла там, где «кончается ирония и начинается небо» (Генрих Гейне).

Апокалипсическая вера в неизбежный «конец всего» сопровождала постмодернизм от рождения до исчезновения. Эта квазикультура была рождена рынком и умирает вместе с ним. Остаются в прошлом деконструкции, ремейки, хэппенинги, инсталляции, воинствующий акционизм, борьба с логосом и пафосом... Поток безликого интернета смывает крутящуюся пену, в культурной памяти сохраняются лишь неколебимо-вечные творения, насущные как хлеб.

Что же придет на смену затянувшемуся постмодернистскому декадансу? В интернете исчезает неколебимая власть денег и «создателей славы». Вместе с ней уходит эпоха раздутых «новых имен», технологии скандальных провокаций, фальшивых аукционов и мафиозных музейных закупок. В глобальной Сети, позволяющей свободное присвоение или модификацию,

стирается грань между «своим» и «чужим». Художнику вряд ли удастся сохранить свою фамилию и даже авторство. Идея, единожды постигнутая человеческим разумом, неуничтожима, но, по мысли Николая Федорова, она не может являться чьей-то собственностью, хотя непременно находит свое воплощение. Творчество со временем превратится в анонимное, в групповое — в «новый фольклор». Стойкие цивилизации смогут соединить его с живым прошлым, народной культурой и религией, слабые будут опираться лишь на виртуальное будущее, псевдоисторические фэнтези, оккультизм в духе «Нью эйдж» и растворятся в «постчеловечестве».

Личность творца мистически вечна, но в современной культуре его след оказывается все менее различим. Мысль Павла Флоренского об особой стойкости «вещественных образований, проработанных духом, например предметов искусства»¹, вряд ли приложима к их цифровым копиям. Плоды творчества, отданные Сети, в конечном счете станут безмянными, какими являлись изначально, поскольку не предполагали прижизненного воздаяния. Их удерживала память потомков, но жизнь творца она превращала в миф, а его имя — в легендарное: Гомер, Пифагор, Боян... Неразрывно-неслиянная связь творца и творения существует лишь в течение его земного бытия. Интернет с легкостью развоплощает все «вещественные образования», превращает в поток цифр слово, образ, звук. Художнику будущего предстоит преодолеть «творческое я», возвыситься до национальных архетипов и утонуть в родной культуре, войдя вместе с ней в культуру мировую. Иной выбор — вспыхнуть в снопе других искр и погаснуть в псевдобытии инета.

Подвиг творчества неотрывен от потока жизни, он является ответом на вызовы личной, народной и всеобщей судьбы. В наши дни, еще не наступив, тотальная виртуальность пробудила голод личного общения, жажду полнокровной жизни, которую нельзя утолить никакими мультимедийными копиями, супершоу и хаосом всеобщего смешения. Оставшийся в памяти детский восторг, забытые радости, недоступную живую любовь — все самое ценное художник призван вернуть человеку, как возвращают дыхание. Одушевляет великое. Естественная красота мироздания, человека, произведений культуры — это проповедь жизни, рождающая восхищение. Переживая восторг, душа очищается и возрождается. *Катарсис* ведет к *метаноие*, «перемене ума».

Человеческому сознанию предстоит пройти испытание «новой беспредметностью». Чудовищность интернета состоит в его способности удвоить реальность, подменить вещественный мир его «астральной» копией, осуществить разделение духа и материи. Гностическому развоплощению мира мо-

¹ Письмо П. А. Флоренского к В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 года (см.: *Флоренский П. А. Макрокосм и микрокосм*. URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Florenskij-P/makrokosmi-mikrokosm-1983.html> (дата обращения: 18.09.2020)).

жет противостоять лишь религиозный опыт созерцания, различения сущностей и духовной брани. В одиночестве вести ее почти невозможно. Общение с ближним превращается в подвиг, в «жертву, угодную Богу». Соединить зримый и незримый миры способен человек, укорененный в вере, духовно трезвый и посвященный в «цифровые таинства». Он явится проводником сквозь зияющую Сеть. Следуя за ним, художник, подобно лозоходцу, сможет отыскать в ее недрах бесценные духовные источники, места «божественного присутствия». Найти путь сквозь нарастающую неопределенность позволяет благодатный дар «ясновидения».

Бесчисленные поединки свободной воли и безликой Сети неизбежны. Нынешние границы государств и рубежи бытия проходят не столько по земле, сколько в человеческом сознании. Истинное творчество, как никогда, призвано хранить материнский «язык души», помогать человеку выбраться из «виртуальной толпы», вернуть дар речи. Предстоит упорная война мертвящего, вычисляющего ума и одушевленного, созидającego разума. Родная речь и культура, основанные на архетипах выживания, позволят овладевать интернетом, как овладевают чужим языком. Превращению жизни в Цифру способно противостоять лишь Слово, создавшее человечество.

В 1922 году Павел Флоренский в предисловии к «Словарю символов» прозорливо заметил: символы «лежат вне индивидуальных интерпретаций, они составляют достояние всего человечества»¹. Он будто предвидел мысли К. Г. Юнга: «Любое отношение к архетипу... действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. <...> Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего... и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и преодолевать даже самую долгую ночь»².

Великие цивилизации способны, поколение за поколением, достигать мировых вершин, опираясь на глубинную культурную память, волю к созиданию и возрождению. Культура не только сопровождает, но и предопределяет их развитие. В биологической жизни существуют неизменные величины, на которых основан гомеостазис — равновесие в изменениях. В минувшие столетия вместе с усилением технического прогресса трагически слабела жизнеспособность человечества. Рушились его религиозные, нравственные и экологические опоры. Век назад Западный мир начал выносить приговоры себе и другим. Роковой переход от «посткультуры» к «постхристианству» и «постгуманизму» занял всего несколько десятилетий. Дальнейшее движение воз-

¹ Флоренский П. А. Symbolarium (Словарь символов) // Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 570.

² Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. С. 284.

можно лишь на основе внутреннего роста, в неподвижности «остановленно-прогресса», в сосредоточении вокруг очагов человекоохранной, природо-подобной цивилизации. Путь в будущее открыт лишь для «возрождающей культуры», носительницы вечных смыслов и подлинных ценностей бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байдин В. В.* Под бесконечным небом. Образы мироздания в русском искусстве. М.: Искусство XXI век, 2018. 368 с.
2. *Флоренский П. А.* Макрокосм и микрокосм. URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Florenskij-P/makrokosm-i-mikrokosm-1983.html> (дата обращения: 18.09.2020).
3. *Флоренский П. А.* Symbolarium (Словарь символов) // Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 564–590.
4. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 299 с.
5. *Vaidine V.* L'archaïsme dans l'avant-garde russe. 1905–1945. Lyon: Université Lyon 3, 2006. P. 411–596.

Аннотация

В течение XX столетия структурализм и постмодернизм вели борьбу с вербальностью культуры. Развитие интернета привело к переходу постмодернизма в виртуальную фазу, к появлению «цифрового новояза», вытесняющего прежние языки общения. «Пандемия-2020» ускорила развитие массовой фейк-культуры, оторванной от исторических реалий и логики стилистического развития. Сознание столкнулось с тотальной беспредметностью. В середине 1930-х переход от авангарда к неоклассике возник как реакция на футуристический культ машины и супрематическую утопию «атомизации Вселенной». На смену им пришла идея гуманизации мира. Культура будущего должна вновь обрести вербальность, историческую память, стать человекоохранной.

Abstract

During the 20th century, structuralism and postmodernism fought against the verblity of culture. The development of the internet has facilitated postmodernism's transition to a virtual phase and contributed to the emergence of a 'digital Newspeak' replacing previous modes of communication. The Pandemic 2020 has accelerated the development of a mass 'fake'-culture that is detached from historical realities and the logic of stylistic development. Consciousness was faced with total meaninglessness. During the mid-1930s, the shift from avant-gardism towards Neoclassicism emerged as a reaction to the Futurist cult of machines and the supremacist utopia of the 'atomization of the universe'. These were replaced by the idea of humanising the world. The culture of the future must regain its verblity, its historical memory, and turn its attention to the preservation of humanity.

- ✓ *Ключевые слова:* структурализм, постмодернизм, борьба с вербальностью, «цифровой новояз», фейк-культура, русский поставангард, концептуализм, пандемия-2020, новая беспредметность, человекоохранная цивилизация.
- ✓ *Keywords:* structuralism, postmodernism, the fight against verblity, 'digital Newspeak', 'fake'-culture, Russian post-avant-garde, conceptualism, Pandemic 2020, new meaninglessness, protection of civilization.